

ІСТОРІЯ

УДК 65.011.54:622.33«1981-1989»

В.Л. Аганов

Донецкий институт железнодорожного транспорта, Украина

МЕХАНИЗАЦИЯ ШАХТЕРСКОГО ТРУДА в 80-е гг. XX столетия: ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

В статье описывается уровень механизации основных трудовых операций, освещается воздействие технического перевооружения на трансформацию шахтерских коллективов, на изменение условий труда горняков. Анализируются организационные, экономические и политические факторы, обусловившие замедление технического прогресса, раскрывается влияние этого обстоятельства на морально-психологическое состояние шахтерских коллективов.

Угольная отрасль Украины с трудом приспосабливается к новым реальностям, которые определяются рыночными отношениями, ограниченной ролью государства в экономической жизни, скромной финансовой поддержкой. Перспективная еще 30 лет назад отрасль сегодня борется за свое выживание, а возможность ее возрождения вызывает сомнения. Изучение становления, развития и упадка угольной промышленности является неотъемлемым условием объективного и всестороннего осмысления исторического пути государства Украина. Отечественная историография темы представлена многочисленными публикациями. Изданные в последние годы коллективная монография «Угольный Донбасс во второй половине XX века» [1], работы З. Лихолобовой [2], А. Саржана [3], К. Заблудской [4] и других, подготовленные на качественно иной методологической основе, раскрывают сложный и противоречивый процесс развития отрасли. **Цель статьи** – осветить один из недостаточно изученных аспектов проблемы – особенности процесса механизации угольного производства на заключительном этапе существования угольной промышленности республики в рамках единого народно-хозяйственного комплекса СССР. Автор намерен:

- показать уровень механизации основных трудовых операций в различных бассейнах и объединениях УССР, выяснить обстоятельства, которые предопределили избирательную техническую политику МУП СССР по отношению к шахтерским коллективам УССР;
- осветить воздействие технического перевооружения на трансформацию шахтерских коллективов, на изменение условий труда горняков;
- раскрыть степень выполнения угольным машиностроением роли двигателя научно-технического прогресса в отрасли, показать факторы, тормозившие техническое перевооружение шахт, описать влияние этого обстоятельства на морально-психологическую обстановку в шахтерских коллективах.

Источниковой базой для написания статьи послужили архивные документы ЦГАВОВиУ Украины, Донецкого областного государственного архива, материалы периодических изданий.

В 80-е гг. отрасль двигалась по накатанной дороге, пережив период приспособления к новой технике и к новым технологиям угледобычи. Позади осталось несколько этапов механизации шахтерского труда. В 30-е гг. кирку сменил отбойный молоток. С 1948 г. в шахты стал поступать широкозахватный комбайн «Донбасс». В конце 50-х гг. в забоях

стали применяться струговые установки, в 60-е – механизированные крепи. В 70-е гг. началось применение механизированных комплексов, состоявших из узкозахватного комбайна и гидрофицированной крепи. Благодаря внедрению новой техники добыча угля возросла с 104,7 млн т в 1954 г. до 218,2 млн т в 1976 г. В 80-е гг. шахты оснащались механизированными комплексами повышенного технического уровня 1КМ-103, КМТ, КД-80. В конце 80-х гг. в СССР комплексами были оснащены 43,3 % забоев. Удельный вес добычи угля из забоев с механизированными крепями достиг 67,8 %. Погрузка угля и породы была механизирована на 81,9 %, в том числе комбайнами на 33,7 % [5, с. 24, 25]. По наклонным выработкам осуществлялась конвейерная транспортировка горной массы. Свидетелями и соучастниками НТП в угольной отрасли были, прежде всего, шахтеры, работавшие на пологих шахтах и разрабатывавшие мощные пласты. Полностью была механизирована угледобыча в объединении «Александряуголь». Приближался к полной механизации этот процесс в объединении «Укрзападуголь». Забои на пологих пластах Донбасса механизированными комплексами были оснащены на 50,4 % [6, с. 45]. В этом бассейне технику получали, прежде всего, горняки наиболее перспективных шахт объединений «Павлоградуголь», «Красноармейскуголь», «Добропольеуголь».

Научно-технический прогресс в угольной отрасли требовал людей, обладавших специальными знаниями, умениями и навыками. Поэтому в профессиональном отношении шахтерские коллективы менялись. В перечне новых шахтерских профессий были машинисты углевыемочных машин, слесари по ремонту и наладке автоматизированных комплексов, конвейерных линий, погрузочных пунктов, средств автоматизации, труд которых по своему содержанию приближался к инженерно-техническому труду. Росла численность горняков, связанных с эксплуатацией техники. Количество машинистов проходческих комбайнов и их помощников увеличилось в 3,5 раза, машинистов по управлению транспортными машинами без дистанционного управления в 1,9 раза, с дистанционным управлением в 4,2 раза. Количество дежурных электрослесарей возросло на 28 %, а электрослесарей по ремонту оборудования на 30 % [7, с. 102].

Изменения технических характеристик средств угледобычи, оснащение их системами автоматизации имели следствием увеличение рабочих функций по управлению горными машинами, которым передавался все больший объем ручных операций. Труд шахтеров был облегчен на 90 %. Уменьшалось количество людей, выполнявших тяжелые физические работы. В объединении «Донецкуголь» в течение 1986 – 1988 г. количество таких сократилось на 2620 чел. На шахте «Южнодонбасская № 1» («Донецкуголь»), с которой началось освоение Южного Донбасса, доля ручного труда в течение трех лет снизилась с 46 % до 43,2 %. В течение 1988 г. число занятых ручным трудом на шахте сократилось до 1940 чел., что было меньше по сравнению с началом года на 296 горняков [8]. Одновременно с уменьшением тяжести труда увеличивалось нервное напряжение горняков, работавших со сложной, часто ломающейся и дорогостоящей техникой. Степень напряжения машинистов угольных комбайнов была в 1,5 раза выше, чем у горняков, обслуживавших лебедки, конвейеры, породопогрузочные машины. Не все шахтеры испытывали облегчение от использования техники. Горнорабочие очистного забоя, проходчики горных выработок, выполнявшие работу при машинах вручную, облегчение от механизации получали незначительное. По оценкам экономистов, удовлетворенность горнорабочих и проходчиков от использования техники составляла 24 %, крепильщиков 14 % [7, с. 93].

Несмотря на осуществленный рывок в механизации угледобычи, доля ручного труда в угольной промышленности продолжала оставаться высокой. Общее количество горняков, занятых физическим трудом, равнялось 180 тыс. (46,5 %), из которых 110 тыс. были подземные рабочие [9, л. 220]. Число занятых ручным трудом в отрасли на 14 % превышало средний показатель в промышленности СССР.

Трудоемкость угледобычи в Донбассе на 27 % превышала среднеотраслевой показатель МУП СССР. Наличие значительного количества глубоких и сверхглубоких шахт, преобладание тонких и сверхтонких пластов, низкие темпы обновления горного хозяйства усложняли использование горной техники. Особенно остро проблема механизации угледобычи стояла в Центральном районе Донбасса (ЦРД), по которому проходил излом земной коры. Пласты залегали под углом 55 – 80 градусов. Горно-геологические условия угледобычи в этом регионе ухудшались как ни где. Если в 1965 г. с плавным спусканием здесь отрабатывалось 23,1 % пластов, то в 1988 г. 9,9 %. На крутопадающих маломощных пластах использование техники становилось экономически неоправданным. Если в 1965 г. на шахтах ЦРД углевыемочные машины использовались в 120 лавах, то в 1989 г. в 36 [10]. Механизированными комплексами были оснащены только 18 % забоев [3, с. 90]. Энерговооруженность шахт была в 5 – 6 раз ниже, чем на предприятиях, отработывавших пологие пласты. Работы по поддержанию выработок производились вручную. В целом уровень механизации на шахтах ЦРД упал до 35 %. Количество занятых ручным трудом составляло на шахтах объединений «Артемуголь» 77,9 %, «Орджоникидзеуголь» 58 %, «Дзержинскуголь» 55,4 %. Не машинист угольного комбайна, а забойщик, вооруженный отбойным молотком, был основной фигурой в шахтах ЦРД.

Совершенствование выемочной техники в значительной степени решало проблему безопасности труда, которая становилась все более злободневной по мере углубления добычи угля. В конце 80-х гг. средняя глубина шахт Донбасса составляла 670 м. На 28 шахтах работы велись на глубинах 1000 – 1300 м. Горнякам все чаще приходилось иметь дело с неустойчивыми и труднообрушаемыми вмещающими породами, с трещинами и разломами угольных пластов, с высыпаниями угля. На разных этапах технического перевооружения были разные уровни травмирования. В лавах с выемкой отбойным молотком около 50 % травм происходило при выемке угля. Появление комбайнов позволило устранить одни причины травматизма, но породило другие. При использовании комбайнов и индивидуальной крепи на крутопадающих пластах 70 % травм происходило в незакрепленной зоне, что было обусловлено технологией выемки. Использование механизированных комплексов позволило исключить пребывание людей в опасной зоне, вследствие чего частота травмирования снизилась. По сравнению с добычей угля отбойными молотками и индивидуальной крепью уровень травматизма при использовании комплексов был уменьшен в 13 раз, по сравнению с узкозахватными комбайнами и индивидуальной крепью в 5,3 раза, по сравнению со струговыми комбайнами в 5 раз. В первой половине 80-х гг., согласно отчетности, в отрасли уровень травматизма был снижен на 11 %. К июлю 1989 г. снижение травматизма составило 32,2 %. Тем не менее, уровень травматизма был высок, а сама техника продолжала оставаться дополнительным источником опасности. Электрические искры провоцировали взрывы пылегазовой смеси. Комбайны, выемочные машины запускались в серийное производство без сертификатов на безопасность эксплуатации. Разрывы тяговых цепей калечили людей, приводили к смертельным случаям. 17,8 % травм горняков было следствием обслуживания машин и механизмов. Проектировщики, изготовители машин и средств механизации не несли ни материальной, ни уголовной ответственности за причинение вреда здоровью пострадавшим рабочим. 28,8 % травм происходило на подземном транспорте. Вследствие эксплуатации неисправных электровозов в четырех шахтах произошли взрывы метана.

Техника кардинально не изменила условия шахтерского труда. Струговая техника ухудшала условия труда на 30 %, узкозахватные комбайны – на 10 %. Механизированные комплексы улучшали условия труда на 20 %. Во многих случаях техника стала мощным источником шума, вибрации, дополнительного тепла. Издаваемый машинами шум на 10 – 20 дБ превышал предельно допустимые уровни. В угольной промышленности

более 100 тыс. чел., в том числе более 8 тыс. женщин, работали при повышенных уровнях шума, более 93 тыс. чел., в том числе 2 тыс. женщин, работали в условиях повышенной вибрации [11, с. 205]. На шахте «Октябрьская» производственного объединения «Донецкуголь», к примеру, в условиях повышенного уровня шума работало 880 чел., в том числе 37 женщин, в условиях повышенной вибрации трудились 769 чел. Следствием названных факторов были профессиональные болезни. В 1989 г. неврит слухового нерва был обнаружен у 33 горняков, вибрационная болезнь у 198.

Дробление угля при выемке, доведение его до состояния мелких фракций вызывали значительную запыленность. Серийная техника и механизмы были несовершенны по методам обеспыливания. На большинстве шахт для пылеподавления применялась не питьевая, как того требовала технология, а неочищенная шахтная вода. Установок по деминерализации шахтных вод просто не существовало. В результате заводские системы орошения быстро выходили из строя. Даже на тех шахтах, где работали типовые средства пылеподавления, погасить пылевой столб не удавалось, а остаточная запыленность составляла 400 – 500 мг/м куб. Использование воды для подавления пыли в условиях невыполнения ряда технологических операций вело к увеличению ее количества в добычных участках, что отягощало труд горняков и вынуждало пренебрегать пылеподавлением. В результате в забоях количество угольной и породной пыли превышало предельно допустимые нормы в сотни и тысячи раз. Потоки воздуха разносили ее по всему подземному пространству. Граничные нормы по запыленности были превышены на 230 шахтах. В условиях повышенной запыленности трудились 57 % шахтеров. Наибольшее количество шахтеров работало в неблагоприятных условиях в объединениях «Донбассанрацит» – 93 %, «Укрзападуголь» – 81 %, «Макеевуголь» – 72,8 %, «Октябрьуголь» – 68,2 %. Закономерно, что в структуре профессиональных заболеваний шахтеров первое место занимала пылевая патология. Через 7 – 10 лет подземного труда рабочие, по сути, становились инвалидами. Число болевших пневмокониозом неуклонно росло. За период с 1985 г. по 1990 г. их количество увеличилось в 4 раза. В 1989 г. у 1163 шахтеров были выявлены различные формы пневмокониоза и пылевого бронхита. Общее количество больных пневмокониозом в СССР составляло 15,2 тыс. чел., из них 10,3 тыс. были шахтеры [12, л. 86]. Угольная пыль вызывала также заболевания слизистых оболочек рта, носа, ушей, глаз.

Экономический результат механизации состоял в том, что в результате ее проведения к середине 80-х гг. прекратилось падение объемов угледобычи, которое имело место после 1976 г. В 1986 г. горняки, добыв 193,1 млн т угля, на 4,1 млн т превысили результат 1985 г. Выход из кризисного состояния был достигнут благодаря проведенным работам по обновлению горного хозяйства (в первой половине 80-х гг. были введены в эксплуатацию 288 горизонтов, пройдено 56 стволов и 61 скважина большого диаметра, капитально отремонтированы 23,5 тыс. км горных выработок и 137 дефектных стволов), что расширило возможности использования техники. В 80-е гг. произошла дифференциация угольных объединений. Среднесуточная нагрузка на очистной забой возросла в 14 из них. В числе наращивавших объемы угледобычи были объединения «Александряуголь», «Добропольеуголь», «Лисичанскуголь», «Павлоградуголь», «Селидовуголь», «Укрзападуголь». Умелое использование техники позволило многим бригадам значительно превышать плановые задания. Средняя суточная нагрузка на очистной забой в 1988 г. составляла 320 т угля. Бригада В. Кузнецова с шахты «Краснолиманская» («Красноармейскуголь») изымала в сутки 3423 т угля. Бригада А. Ляшка (шахта им. Стаханова этого же объединения) добывала 2432 т. Коллектив, которым руководил начальник участка А. Толстопят (шахта «Родинская»), на маломощном пласте выдавал из лавы 1300 т угля. Количество бригад, добывавших свыше 1000 т угля в сутки, насчитывалось более ста. Однако так работали далеко не все коллективы. Три объединения

в Донецкой области («Макеевуголь», «Орджоникидзеуголь», «Горезантрацит») и пять объединений в Луганской области («Краснодонуголь», «Луганскуголь», «Свердловск-антрацит», «Стахановуголь», «Первомайскуголь») теряли свои позиции. В Донецкой области почти каждая вторая шахта имела среднесуточную добычу из очистного забоя менее 200 т и лишь 25 шахт – 500 тонн и более.

Причины, вызвавшие повышение эффективности производства в одних шахтерских коллективах и ее снижение в других, напрямую были связаны с востребованностью добываемых марок угля народным хозяйством СССР, горно-геологическими условиями угледобычи, состоянием основных фондов и подземных коммуникаций. Механизированные комплексы, угольные комбайны давали эффект в условиях отлаженного горного хозяйства, что доказывала практика угледобычи на «образцовых шахтах». Но на большинстве угольных предприятий был избыток узких мест. На 220 из 283 шахт недостаток фронта очистных работ, отсутствие резерва воздуха, малая эффективность вентиляционных систем, изношенность подземного транспорта, низкая пропускная способность подъема ограничивали сферу применения выемочной техники. Используемые машины имели ограниченную область применения. Комбайны и комплексы давали значительный экономический эффект на тех шахтах, где осуществлялась выемка угля из мощных пластов (более 1,2 м). Шахт с такими пластами было не много. В конце 1980-х гг. пласты более 1,8 м имели только 4,6 % забоев [6, с. 44]. 71 % забоев отрабатывали пласты мощностью менее 1,2 м. Из них 24,5 % отрабатывали крутонаклонные и крутые пласты.

Шахты, разрабатывавшие тонкие пласты, находились в наихудшем положении. В 1976 г. в связи с необходимостью иметь фронт работ к их разработке приступили 52 шахты. При отсутствии специальной техники горняки пытались применять серийно выпускавшиеся комплексы, не предназначенные для подобных условий эксплуатации. Количество комплексно механизированных забоев, работавших с присечкой боковых пород, возросло с 81 (20,9 %) в 1976 г. до 285 (46,4 %) в 1989 г. Следствием такой практики было увеличение на 30 % содержания породы в извлекаемой горной массе [13, с. 3]. В связи с этим в Донбассе на-гора ежегодно вывозилось сверх нормативов (!) более 30 млн т породы. Экономическая бесперспективность разработки тонких пластов была преодолена политической целесообразностью. Государство, не видя способа решения проблем шахтерских городов, продлеvalo жизнь угасающим шахтам и переносило решение их участи до лучших времен.

Во второй половине 80-х гг. горняки столкнулись с проблемой нехватки шахтной техники вследствие сокращения ее выпуска машиностроительными заводами.

Таблица 1 – Производство отдельных видов техники предприятиями угольного машиностроения СССР в 1985 – 1989 гг. [5, с. 5, 51]

Показатель	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.
Количество шахт всего	604	603	595	589	568
Комплексы механизированные	370	348	284	336	321
Комбайны проходческие	529	518	446	505	476
Комбайны очистные	1035	955	784	858	872
Струговые установки	172	185	170	133	127

Причины сокращения объемов производства состояли в том, что перестроечные процессы выбили машиностроение из привычного производственного процесса. Принятый в 1986 г. Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)» положил начало хозрасчетным отношениям. Осуществлялись экспортная переориентация советской экономики, форсированный перевод предприятий на прямые производственные связи. Система централизованного снабжения разваливалась. Распоряжение СМ СССР (июль 1986 г.) о первоочередном обеспечении заводов угольного машиностроения материально-техническими ресурсами не выполнялось. Оптовая торговля средствами производства только формировалась. При ее отсутствии расширение самостоятельности предприятий породило перекосы во взаимоотношениях между поставщиком и покупателем. Машиностроители недополучали от смежников металл, специальные конструкции, трубы для механизированных крепей, взрывобезопасные двигатели и аккумуляторные батареи, подшипники для комбайнов и вентиляторов, резиновые уплотнители и многое другое. Система прямых договоров порождала вымогательство, спекуляцию. В условиях развала централизованной системы поставок в январе 1989 г. МУП СССР предоставил руководителям предприятий угольного машиностроения возможность самостоятельно, используя прямые связи и валюту, решать вопросы приобретения недостающего оборудования и материалов. Машиностроители этим правом воспользовались. Столь нужные украинским горнякам комбайны «Поиск», предназначенные для разработки тонких пластов, были проданы в Венгрию, Болгарию, Румынию, Испанию.

В свою очередь машиностроительные заводы в условиях хозрасчета прекращали выпуск невыгодной для себя продукции. Харьковские машиностроители сняли с производства козловые краны, николаевские – конвейеры. Горловский машзавод им. Кирова, единственный в СССР изготовитель очистных комбайнов, уменьшил номенклатуру изделий на 5 тыс. наименований. Были сняты с производства востребованные горняками комбайны «Донбасс», «Комсомолец», «Темп» и другие, что привело к усугублению дефицита на угольную технику. Предприятия угольного машиностроения в Донецкой области, в частности, в 1988 г. не изготовили 64 шахтные подъемные машины, 277 рудничных электровозов, 6,3 тыс. грузовых вагонов. Только горнякам Донецкой области не было выделено 20 механизированных комплексов, 23 проходческих комбайна, 206 породопогрузочных машин, 153 конвейера [14, с. 2]. Потребности шахт в оборудовании удовлетворялись на 50 – 80 %. Шахте им. Горького («Донецкуголь»), к примеру, для выполнения планов недоставало 6 комбайнов [15].

Машиностроители постоянно увеличивали цену на свою продукцию. Стоимость основного шахтного оборудования за 7 лет удвоилась. При этом потребительские свойства товара не менялись [16]. Цена механизированного комплекса, составлявшая в 1981 г. 336 тыс. руб., в 1988 г. достигла 700 тыс. Цена угольного комбайна при неизменном, а то и ухудшившемся качестве, возросла с 19 тыс. руб. до 37 тыс. руб. Поставщики использовали предоставленное им право увеличивать цену товара при улучшении его качества. Скребокый конвейер с литерой «М» при тех же технических характеристиках стал стоить в 1,5 раза, посадочная крепь со знаком качества в 2,5 раза дороже. Дружковский и Горловский машиностроительные заводы в 1988 г., на треть удовлетворив заявки шахт, по объемным показателям превзошли результаты 1987 г. соответственно на 3,6 % и 7,3 %. Поведение поставщиков шахтерами расценивалось как «экономический бандитизм». Сроки окупаемости затрат на приобретение машин и оборудования становились недопустимо велики. Шахтеры, начинавшие работать в условиях хозрасчета, отказывались от новой, но дорогостоящей техники. Вследствие названных причин в забоях находились в эксплуатации 26,7 % физически устаревших машин и оборудования, из которых 11 % полностью отработали свой срок [6, с. 46].

Шахты, дорабатывавшие балансовые запасы, находились в наихудшем положении. В шахтоуправлении «Петровское» («Донецкуголь»), к примеру, износ основных фондов по машинам и оборудованию составлял 93 % [17].

В 80-е гг. обострилась проблема не только количества, но и качества горной техники, к которой большие глубины и крепкие вмещающие породы предъявляли особые требования. В начале 1980-х гг. в течение месяца на украинских шахтах из-за поломок в среднем происходило 500 случаев остановок производственного процесса. Продолжительность простоев составляла 17,2 % рабочего времени. К концу десятилетия ситуация усугубилась. 70 % очистных комбайнов, 45 % подъемных машин, 41 % компрессорных установок не соответствовали техническому уровню [12, л. 78]. Выпускаемая в СССР техника уступала аналогам, производимым в США и странах Западной Европы. В этих странах в шахтах, к примеру, использовались крепи щитового типа, в то время как в СССР в основном крепи были рамные и комплектные механические. За рубежом комбайны, в отличие от советских, выпускались с бесцепной системой передачи. Западная техника была надежнее. Это обстоятельство требует объяснения, поскольку в послевоенные годы СССР занимал лидирующие в мире позиции по созданию горной техники. В 60 – 70-е гг. советские комбайны закупали не только страны социалистического лагеря, но и ФРГ, Канада, Япония, перенимая передовой опыт советских конструкторов и машиностроителей. Потеря передовых позиций произошла, прежде всего, потому, что основные фонды машиностроительных предприятий вовремя не были обновлены. На Горловском машиностроительном заводе, к примеру, немедленной замены требовали 31 % станочного парка и 38 % режущего оборудования. В литейном цехе завода в непригодном состоянии находилось 70 % оборудования и станков. Причины регресса в отрасли кроются также в политической плоскости. Руководство СССР, стремясь идти в ногу с НТР, навязывало отрасли, машиностроению свое понимание технического прогресса: угольная техника в сравнении с западной должна быть более мощной, быть постоянно обновляемой и воплощать в себе достижения НТП. Машиностроители обвинялись в производстве «морально устаревшей техники». Необходимость «омоложения» вынуждала их снимать с производства машины, созданные в 40 – 70-е гг. и доведенные благодаря длительному периоду эксплуатации до высокой степени надежности. Выполняя указания «сверху», конструктор и машиностроители находились в бесконечном поиске принципиально новых технических решений. В конце 80-х гг. они работали над созданием 17 (!) новых типов механизированных комплексов [13, с. 2]. Конструкторы пытались создать безлюдные технологии угледобычи. Интеллектуальных сил для создания машин с бесцепными тяговыми органами, скребковых конвейеров с двухскоростным приводом, средств малой механизации не хватало. Новые образцы машин, изготовленные на устаревшем оборудовании, сложные в эксплуатации, снабженные несовершенной автоматикой, у горняков вызывали разочарование. В забоях, к примеру, не прижилась модифицированная модель проходческой машины «Стрела-77», за создание которой конструкторы получили Государственную премию СССР. Горняки при ее эксплуатации изымали автоматические системы. Они настаивали на предоставлении им проверенных практикой комбайнов «Донбасс 1-Г», КЦТГ, «Кировец», струговых установок, бурильных установок, лебедок, стоек. Горняки по-своему понимали смысл НТП, который им виделся в производстве простой и надежной в эксплуатации техники, в разработке средств малой механизации, способной существенно облегчить шахтерский труд. Идеальной моделью представлялась комплексная механизация, которая позволила бы обеспечить санитарно-гигиенические нормы труда.

В отличие от США и стран Западной Европы, где научные разработки, достигнутые в сфере военно-промышленного комплекса, становились достоянием гражданского сектора экономики, в СССР ситуация была принципиально иной. Технологические достижения оборонной промышленности были засекречены. Производимая в ВПК продукция была недоступна для мирного использования. Электродвигатели, выпускавшиеся, к примеру,

для подводных лодок, безотказные в эксплуатации, могли быть использованы для оснащения проходческих и выемочных комбайнов. Могли, но не использовались. Надежных электродвигателей не имел Дружковский машиностроительный завод и поэтому был не в состоянии удовлетворить запросы шахт в современных подземных электровозах (АРП – 28). Завод выпустил 1300 электровозов устаревших конструкций и только 210 новых.

Не имея необходимой качественной и надежной техники, горняки начинали задействовать, по их словам, «музейные экспонаты». Для их восстановления необходимы были запчасти. При огромном на них дефиците в 1989 г. машиностроительные заводы МУП СССР план их производства выполнили на 90,8 %. Потребности украинских шахт в запасных частях удовлетворялись на 30-50 %. Рудоремонтные заводы были не в состоянии удовлетворить заявки шахт. Коэффициент использования угледобывающей техники на шахтах Донецкой области упал до 33 %, хотя в передовых бригадах этот показатель составлял 70 %. Шахты были вынуждены приступить к созданию собственной ремонтной базы и примитивного машиностроения. Директора предприятий шли на значительное отвлечение оборотных средств на сверхнормативные запасы товарно-материальных ценностей. Прекратилась сдача в металлолом неработающей техники, которая оставлялась на шахтах в целях ее дальнейшего использования. В 1990 г. на балансе шахт Донецкой области числились, но не эксплуатировались 39 % механизированных крепей, 49 % очистных, 35 % струговых, 31 % проходческих комбайнов.

Угольная промышленность, являвшаяся составной частью единого народно-хозяйственного комплекса СССР, воплощала в себе все противоречия и кризисные тенденции социалистической экономики. Экстенсивный путь развития отрасли себя исчерпал. В народном хозяйстве УССР были задействованы все ресурсы. Несмотря на дефицит угольной техники, в июне 1989 г. органы власти УССР отказали МУП СССР в реализации проекта увеличения производства очистных и нарезных комбайнов на Горловском машзаводе им. Кирова, поскольку город не мог изыскать свободных 40 га земли и 500 рабочих. Отраслевая наука, уставшая от руководства ею ЦК КПСС, в конце концов, приспособилась к реальностям развитого социализма. Низкие жизненные стандарты, бюрократизация научной и производственной жизни лишили инженерные кадры стимулов к творческому труду. Как установили работники Института охраны труда ВЦСПС, около 90 % серийно выпускаемых в СССР машин, механизмов и оборудования из-за конструктивных недостатков не соответствовали требованиям безопасности. Угольное машиностроение, обладая изношенными основными фондами, могло лишь тиражировать образцы старой техники или же их частично модифицировать. Управленцы, «угольные генералы» были удовлетворены сложившейся системой отношений, тем более, что они уже почувствовали вкус «теневой» экономики. Безмолвствовал рабочий класс. Свою способность к защите собственных интересов он потерял в периоды сталинского правления и «хрущевской оттепели». Рабочий класс демонстрировал непротивление злу насилием. Десятки тысяч погибших под землей, сотни тысяч покалеченных мужчин расплачивались своими жизнями за интеллектуальный брак, конструктивные просчеты и ошибки, управленческие глупости, низкую производственную культуру, собственный непрофессионализм и опрометчивость. Бюрократическое засилье во всех институтах власти, заорганизованность управления, приоритетное развитие ВПК, консерватизм отрасли, задавленная инициатива препятствовали модернизации угольной промышленности УССР.

Описанные процессы во многом предопределили итог развития отрасли в 80-е гг. По сравнению с 1976 г. в результате совершенствования горного хозяйства, организации производства, механизации и автоматизации процессов, производительность труда увеличилась на 13,2 %. Из-за отрицательных факторов она снизилась на 42,8 % [13, с. 3].

Проблемы механизации угольного производства имели не только негативный экономический, но и морально-психологический результат. Многие шахтеры потеряли надежду на возможность появления техники, которая бы позволила в безаварийном режиме осуществлять угледобычу, облегчить труд на вспомогательных операциях. В их сознании формировалось понимание технической отсталости отрасли, необходимости выхода на международный рынок горной техники. У горняков возрастала неудовлетворенность выбранной профессией. Молодые рабочие в возрасте 26-30 лет, мечтавшие работать на механизированных и автоматизированных комплексах, а таких было 70 % их числа, не могли реализовать себя. Увеличивалась текучесть кадров. В первом полугодии 1989 г. шахты покинули 46,2 тыс. горняков, из которых 80 % искали себе другую работу [9, л. 219]. В числе ушедших были 305 горняков шахты им. Абакумова («Донецкуголь»), из которых 64 были горнорабочими очистного забоя. Для 80 % покидавших шахты крепильщиков, 63 % горнорабочих очистных забоев основным мотивом принятого решения была неудовлетворенность тяжелой физической работой.

Дефицит машин и запасных частей стал предлогом для вымогательства денег у шахтеров для ее приобретения. Сборы части заработной платы и премиальных составляли «черные кассы». Попытки смельчаков обличить порочную практику оканчивались неприятностями для шахтеров. Увеличивалась нервозность в коллективах, перешедших на бригадный подряд, в которых возможность получения высоких заработков была обусловлена количеством и качеством используемой техники. Число горняков, которые теряли свои заработки в результате новых форм организации труда, было значительным. В 1988 г. в объединении «Донецкуголь» 35,6 % хозрасчетных бригад не выполнили годовых заданий.

Отрицательный эмоционально-психологический настрой усугублялся просчетами в организации труда, ошибочными инженерными решениями, дефицитом моющих средств. Забастовки шахтеров в 1989 г. отражали накопившиеся противоречия. Проходчик шахты им. 60-летия Советской Украины («Донецкуголь») свое участие в июльской забастовке 1989 г. объяснил так: « Я пошел на площадь для того, чтобы мог нормально работать. Я 19 лет проработал в шахте. 19 лет лопата, обушок и с песней “Эх, дубинушка, ухнем!” Мне надоело работать под эту “Дубинушку”... Нужно, чтобы у меня была новая техника, новая технология, иначе старыми мозгами от меня уже взяли все. Моим горбом мы уже больше ничего не создадим. Результаты научно-технической революции прошли мимо нас. Я требую эти результаты, чтобы они были у меня в забое... Я не debil. Я не дурней американца» [18].

Таким образом, механизация производственных процессов, осуществлявшаяся в 80-е гг., позволила вывести угольную отрасль из состояния упадка, в котором она оказалась после рекордных достижений 1976 г., и в то же время подталкивали отрасль к очередному кризису, что было обусловлено нерешаемостью проблем угасающих угольных объединений и шахт и ухудшающимися условиями угледобычи. Механизация могла стать тем инструментарием, который в случае закрытия старых шахт и строительства новых мог обеспечить качественно новое состояние отрасли. Тем не менее, механизация не стала тем звеном, ухватившись за которое можно было бы вытянуть всю цепь. Идеологизация теории и практики НТП препятствовала естественному процессу технического прогресса. Плановая экономика в условиях отсутствия у правящей партии научной теории общественного развития, бюрократизации государства стала фактором торможения отрасли. «Перестройка» со всей ее хаотичностью и поспешностью усугубила проблемы всех участников угольного производства. Производственная культура шахтерских коллективов, сформировавшаяся под воздействием технического прогресса в отрасли в 60 – 70-е гг. и основанная на таких ценностях, как надежность и долговечность используемой техники, переживала ситуацию стресса. Снижение технического уровня

серійно випускавхся машин, зростаючий дефіцит на угольну техніку детонували невдоволення в шахтерській середі. Врив шахтерського негодвання в липні 1989 г. во багатому був наслідком технічної політики держави.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вугільний Донбас у другій половині XX століття / Під ред. З.Г. Лихолобової. – Донецьк: ДонНУ, 2001. – 339 с.
2. Лихолобова З.Г. Концептуальні питання історії вугільного Донбасу в другій половині XX ст. // Нові сторінки історії Донбасу. – Кн. 8. – Донецьк: ДонНУ, 2000. – С. 8-12.
3. Саржан А.О. Зміни в соціально-економічній сфері Донбасу. Друга половина 40-х – кінець 80-х рр. XX ст. – Донецьк: Лебедь, 2004. – 411 с.
4. Заблудська К.В. Протиріччя технічного розвитку важкої промисловості Донбасу. 1960 – 1985 рр. // Нові сторінки історії Донбасу. – Кн. 7. – Донецьк: ДонНУ, 1999. – С. 195-201.
5. Основные показатели по угольной промышленности СССР. Аналитический материал к докладу министра на Втором съезде шахтеров. – М.: МУП СССР, 1990. – 82 с.
6. Брусиловский Б.М., Мартовицкий В.Д. Техника безопасности и производственный травматизм в угольной промышленности Украины // Уголь Украины. – 1991. – № 12. – С. 44-47.
7. Сумин В.А. Социальные последствия воздействия факторов производственной среды на работающего // Труды Донецкого ТТУ. Сер. экономика. – Вып. 5. – Донецк, 1999. – С. 89-108.
8. Державний архів Донецької області (ДАДО). – Ф. 18. – Оп. 63. – Спр. 35. – Арк. 48.
9. Центральний архів вищих органів влади і управління України (ЦДАВОВУ). – Ф. Р-2. – Оп. 15. – Спр. 1857.
10. Белоусов В. Для крутых пластов // Кочегарка. – 31 января 1990 г.
11. Шевченко Н.Н. Условия жизни и труда шахтеров в первой половине 1980-х гг. // Нові сторінки історії Донбасу. – Кн. 7. – Донецьк: ДонНУ, 1999. – С. 203-208.
12. ЦДАВОВУ України. – Ф. Р-2. – Оп. 15. – Спр. 1856.
13. Фищенко С.П. Производственный потенциал угольной промышленности Украины и перспективы его развития // Уголь Украины. – 1990. – № 6. – С. 2-4.
14. Сургай Н.С. К новому подъему угольного Донбасса // Уголь Украины. – 1989. – № 5. – С. 1-5.
15. ДАДО. – Ф. Р. 6777. – Оп. 1. – Спр. 63. – Арк. 32.
16. ДАДО. – Ф. 326. – Оп. 136. – Спр. 16. – Арк. 79.
17. ДАДО. – Ф. 18. – Оп. 61. – Спр. 3. – Арк. 46.
18. ДАДО. – Ф. 920. – Оп. 2. – Спр. 4241. – Арк. 125.

В.Л. Агапов

Механізація шахтарської праці у 80-і рр. XX століття: ефективність, проблеми, результати

У статті розглядається рівень механізації основних трудових операцій, висвітлюється вплив технічного переоснащення на трансформацію шахтарських колективів, на зміну умов праці гірників. Аналізуються організаційні, економічні та політичні чинники, що зумовили уповільнення технічного прогресу, розкривається вплив цієї обставини на морально-психологічний стан шахтарських колективів.

V.L. Agapov

Mechanization of Miners' Labour in the 80s XXth Century: Efficiency, Problems, Results

The article touches on the level of mechanization of the basic operations. The effect of the technical transformation on changing labour collectives of miners and their labour conditions is highlighted. The author analyses the organizational, economical and political factors that have slowed down the technical development. The article reveals the influence of these circumstances on the moral and psychological state of miners' collectives.

Стаття поступила в редакцію 11.12.2007.